

ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО
Институт языкознания РАН

Р. ЯКОБСОН КАК АГЕНТ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА МЕЖДУ ЛИНГВИСТИКОЙ И ЛИТЕРАТУРНЫМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ¹

R. Jakobson as Mediator of Cultural Transfer between Linguistics and Literary Experiments

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номадизм, культурный трансфер, Р. Якобсон, концепт, эксперимент

KEYWORDS: nomadism, cultural transfer, R. Jakobson, concepts, experiment

ABSTRACT: The article analyzes one of the forms of nomadism in the intellectual world, which is called cultural transfers. One of the directions in the study of cultural transfers is the migration of concepts and notions between scientific knowledge (in this case linguistic) and literary experience (mainly experimental). The article is devoted to one of such migration trajectory from the perspective of interdiscourse methodology. We discuss the works of one of the agents of cultural transfer in the field of linguistics – R. Jakobson. The task of the article is to draw a trajectory according to which the linguistic concepts of Jakobson intertwine with parallel processes in literary (mainly poetic) experiments. The analysis concludes that precisely in connection with close contexts and transfers between poetry and linguistics, the Russian science of language represented by Jakobson develops a view of literature as a special language and a special communicative system. This trend is not typical for the Anglo-American linguistic tradition of the twentieth century, the quintessence of which in the middle of the century was represented in the theories of N. Chomsky and his circle.

В данной статье пойдет речь об одной из форм номадизма в интеллектуальном мире, которая получила название культурных трансферов. Под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами. Акцент в теории культурного трансфера делается не просто на одновременном изучении нескольких социокультурных пространств, но на анализе вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций, которые при соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. В отличие от межкультурной коммуникации в общем виде, направленной на облегчение общения между представителями разных культур и сравнительное изучение

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

двух отдельных национальных традиций, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов – тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую. При таком подходе значимыми являются не столько национально-специфические особенности той или иной культуры или того или иного дискурса, сколько выявляемые траектории «миграции концептов» при взаимодействии двух или более языков. Тем самым демонстрируется, в какой мере какое-либо лингвоспецифическое или идионациональное явление оказывается в действительности сплавом разных культур, взаимовлияний и дискурсных смещений.

Данная теория первоначально была разработана в 1980-е гг. в довольно узком контексте истории литературы французскими литературоведами и историками М. Эспанем и М. Вернером. В самое последнее время эта теория находит применение в широкой сфере исследований культуры. Так, в недавних исследованиях Эспана теория культурного трансфера применена к истории искусства (Espagne 2009) и к истории немецко-российских связей в гуманитарной науке (Espagne 2014). Понятие культурного трансфера отсылает, таким образом, и к эмпирическому плану исследований, и к методологической ориентации самого исследователя, затрагивая широкий спектр гуманитарных и общественных наук. Исследование культурных трансферов предполагает изучение взаимодействий между культурами и сообществами – а также между различными фракциями и группами внутри одной или нескольких культур – в их динамическом развитии.

Важно отметить, что культурные трансферы никогда не билатеральны в чистом виде, а всегда многонаправленны. В этом смысле данная теория в общем виде согласуется с номадологией Ж. Делеза и Ф. Гваттари, с ее отказом от бинарных оппозиций в пользу разветвленных структур и динамических процессов. В последние годы развивается лингвистическая теория культурных трансферов (Фещенко 2016). Одно из направлений в изучении культурных трансферов – миграция понятий и концептов между научным знанием (в интересующем нас случае лингвистическим) и литературным опытом (главным образом, экспериментальным). На одной из таких траекторий миграции мы остановимся в данной статье. Причем остановимся на фигуре одного из агентов культурного трансфера в области лингвистики, а именно на фигуре Романа Осиповича Якобсона. Как известно, Якобсон очень много передвигался в течение своей научной карьеры, и не только географически и культурно, но и, скажем так, научно-парадигматически. Нашей задачей будет прочертить траекторию, по которой лингвистические концепции Якобсона сопрягались с параллельными процессами в литературном (главным образом, поэтическом) эксперименте.

Обратимся к первым опытам молодого Якобсона еще в кругу Московского лингвистического кружка. Уже в 1912 г. он знакомится с манифестом футуристов «Пощечина общественному вкусу» и начинает анализировать стихи русских будетлян. Прежде чем выпустить свою замечательную работу о В. Хлебникове, он состоял в переписке с будетлянином, где «обкатывал» свои идеи и одновременно экспериментировал с материалом. Известны заумные стихи Якобсона под псевдонимом Алягров, написанные им совместно с А. Крученых. Гораздо позже он сам называл их «грехами шестидесятилетней давности», но на момент середины 1910-х они служили лабораторными опытами юного лингвиста в поисках сущности слова как такового и моделью перехода от по-хлебниковски понимаемого «самовитого слова» к концептуальной формуле «поэтический язык как язык с установкой на выражение» (Якобсон 2012, 190):

мзглыбжвуо йихъяньдрью чтлэщк хн фя съп скиполза
а Втаб-длкни тьяпра какайзчди еврец чернильница.

В одном из писем Хлебникову от 1914 г. Якобсоном обсуждается создание новой азбуки совместно с будетлянином и приводится «образчик новой поэзии», составленный из «сплётвов букв», напоминающих музыкальные аккорды (Рис. 1).

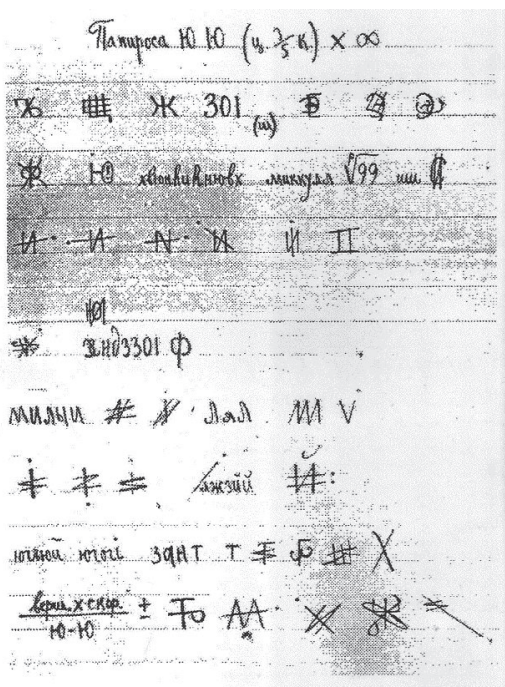

Рис. 1. Фрагмент составленного Р. Якобсоном «образчик новой поэзии»

Яacobсон тут же в письме признается в том, что такие эксперименты – трамплин для новых идей в искусстве: «Далее, эти сплётывания не могут быть вполне приемлемы физически, но доля неприемлемости – необходимая предпосылка нового искусства» (там же, 115). Нового искусства – но и новой науки о нем. Яacobсон в воспоминаниях отмечает, что занялся наукой, будучи вдохновленным сначала французским символизмом А. Рембо и С. Малларме, а затем радикальной поэзией русского футуризма:

И ясно рисовался единый фронт науки, искусства, литературы, жизни, богатый новыми, еще не изведенными ценностями будущего. Казалось, творится новозаконная наука, наука как таковая, открывающая бездонные перспективы и вводящая в обиход новые понятия – понятия, о которых тогда говорилось, что они не укладываются в привычные рамки здравого смысла (там же, 22).

В частности, Яacobсон много размышляет о понятии «относительности» в связи с А. Эйнштейном (понятии, несколько позже вошедшем и в лингвистику в форме «гипотезы лингвистической относительности»). После 1916 года, когда во Франции выходит «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, с детства владеющий французским языком Яacobсон тут же откликается на его теорию, и причем в первоначально в неожиданных контекстах. Например, он признается, что на мысль о разложении фактуры и обнажении приема в живописи кубизма его сподвигло именно соссюровское различие синхронии и диахронии. Характерно название одного из его эссе: «Футуризм как эстетическая и научная система», т.е. Яacobсон мыслит сразу и в научных понятиях, и в художественных ощущениях и, соответственно, видит в футуризме не только эстетический опыт, но и научный поиск. Сам он в дальнейшем сосредоточивается на «науке как таковой», не переставая черпать идеи из авангардных опытов. Как точно отмечает Т. Гланц, «триада “формализм – авангард – революция” была органичным сочетанием трех аспектов одного явления» (Гланц 2016, 106; см. об этом также: Pomorska 1968; Pomorska et al. 1987).

Первые случаи употребления терминов «поэтический язык», «поэтическое высказывание» и «поэтическая функция» связаны у Яacobсона с анализом текстов Ф. Т. Маринетти и Хлебникова. В противовес общественному и научному мнению своего времени, Яacobсон выделяет творчество русского будетлянина как наиболее соответствующее языковой практике революционной эпохи. Аномальные с точки зрения литературной традиции и русской языковой диахронии, стихи Хлебникова открывают исследователю языка новое видение его предмета. Впервые лингвистика обращается не только к фактам живого языка в их синхронных изменениях, но и к языку актуальной литературы, к «поэтическому языку современности», по формулировке

Якобсона. Авангард поэтический обуславливает научную революцию в языкознании. Так, именно в этих опытах анализа рождается теория языковых функций (коммуникативная, эмоциональная, поэтическая и т.д.), которая станет парадигмообразующей в функционализме Пражской лингвистической школы. То, что в предыдущей парадигме (представленной его учителем И. Бодуэном де Куртенэ) считается внеязыковым (словоновшества футуристов) и вредным для языкового развития, признается в рамках парадигмы новой, наоборот, потенциально продуктивным для языкового творчества. Этой новой парадигмой стал формальный метод. Впрочем, для Якобсона он был лишь одним из этапов научного становления.

Следующим этапом был Пражский лингвистический кружок и структурализм. Якобсон едет в Прагу, незадолго до того написав с Ю. Тыняновым тезисы в Новом Лефе «Проблемы изучения литературы и языка» (1928). В них появляются понятия «структурности» и «функциональности»:

История литературы (*resp.* искусства), будучи сопряжена с другими историческими рядами, характеризуется, как и каждый из прочих рядов, сложным комплексом специфически-структурных законов- *à* Используемый в литературе как литературный, так и внелитературный материал только тогда может быть введен в орбиту научного исследования, когда будет рассмотрен под углом зрения функциональным (Тынянов 2002, 205).

При этом Якобсон уже целиком оперирует сосюрговскими понятиями, хотя и предлагает их пересмотреть на новых основаниях. В частности, новации в литературе и языке объяснять не чисто диахроническими либо синхроническими причинами, а их взаимным скрещиванием. На смену сосюрговской дихотомии приходит дихотомия «структура – функция». Оба понятия заимствуются из математики. Но со временем именно лингвистика перенимает права на преимущественное использование этих понятий. Здесь можно было бы говорить о параллельных процессах в искусстве и литературе 1930-х гг., аналогичным образом базирующихся на понятиях структуры, функции и конструкции. Особенно много аналогий здесь было между лингвистикой и архитектурой. Понятием структуры активно пользовался Ле Корбюзье, а функционализм стал доминантным направлением в немецкой и голландской архитектуре 1930-х гг. Но мы обратимся к некоторым аналогиям литературно-авангардного толка из 1950-х годов, когда Якобсон уже работает в Гарвардском университете бок о бок с провозвестником новой парадигмы в языкознании Н. Хомским.

Отдельного внимания заслуживает полемика Якобсона с Хомским по поводу одной известной теперь уже искусственной фразы, сочиненной Хомским. Фраза эта известна в двух вариантах (Хомский 1962, 418):

Colorless green ideas sleep furiously.
Furiously sleep ideas green colorless.

Американский лингвист-генеративист озаботился вопросом, относятся ли к языку грамматически неправильные предложения в той же мере, что и грамматически правильные. Кроме того, был поставлен вопрос о границах правильного и осмысленного (т.е. значимого в семантическом смысле). С его точки зрения, оба приведенных выше предложения равно бессмысленны, но второе еще и является грамматически неправильным, а значит, не относится к множеству предложений, составляющих английский язык. Что же касается первой фразы, то, при всей ее семантической «нелепости», она признается синтаксически корректной и, стало быть, укладывается в структуру существующего языка.

Обсуждение этих искусственных примеров Хомского вызвало немало интерпретаций в мире лингвистики (см. в работах: Yaguello 1998, 113–129; Поцелуев 2006; Успенский 2007, 163–173; Кобозева 2009). Однако нас особо интересует полемика с этими примерами Якобсона, откликнувшегося на данную дискуссию в своей статье о Ф. Боасе (Якобсон 1985). В целом отмечая изобретательность лингвистического эксперимента Хомского в построении «полностью несемантической теории грамматической структуры», русский лингвист указывает на в действительности обратную значимость выводов американского коллеги. По мнению Якобсона, такие фразы, как «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», как раз наиболее ярко высвечивают вполне осмысленные категории нашего сознания. Ему сразу приходят на ум поэтические тропы, которые напоминают эту фразу: «Зеленая мысль в зеленой тени» поэта Э. Марвелла и «все тот же ужас, красный, белый, квадратный» из Л. Толстого. Почему же идеи не могут впасть в сон? Стоит ли смешивать онтологическую нереальность с бессмысленностью? Якобсон против тезиса о том, что хомскианские выражения обладают «более низкой степенью грамматичности».

Для Якобсона, вышедшего из кругов русских футуристов, обе фразы Хомского выглядели вполне осмысленными после экспериментов Маяковского, Хлебникова и Крученых. При семантической и синтаксической аномальности они могли бы быть и неаномальными в каком-либо поэтическом контексте. Как показали Якобсон и после него Б.А. Успенский, такая фраза вполне могла бы выглядеть семантической и даже синтаксичной в поэтическом или фольклорном контексте. Что, собственно, не преминуло реализоваться в стихе еще современника Хомского и Якобсона – Делла Хаймса (тоже, кстати, структурального лингвиста). Стихотворение названо фразой Хомского и будто бы раскодирует ее в поэтическом тексте (ср. с названием книги стихов

современного русского поэта П. Арсеньева «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (2011), эксплуатирующего лингвистические постулаты в своей поэтической технике):

„Colorless green ideas sleep furiously”
Hued ideas mock the brain
Notions of color not yet color
Of pure and touchless, branching pallor
Of an invading, essential green.
Ideas, now of inchoate color
Nest as if sleeping in the brain
Dormant, domesticated green,
As if had not come a dreaming pallor
Into the face, as if this green
Had not, seeping, simmered, its pallor
Seethed and washed throughout the brain,
Emptying sense of any color.

“Two for Max Zorn”, 1957

Хомский вряд ли интересовался поэтическим контекстом своего времени, хотя мог бы найти аналоги подобных высказываний в творчестве своих соотечественников – экспериментальных поэтов Г. Стайн и Э. Э. Каммингса. Ему важно было продемонстрировать лишь один из коренных постулатов своей лингвистической теории – неэквивалентности понятий грамматичности и осмысленности. Якобсон выдвигает против этого аргумент «семантической значимости» подобных алогичных высказываний, апеллируя к текстам русских футуристов:

В одном из словарей русского языка прилагательное беременный снабжено пометой *femininum tantum*, поскольку *беременный мужчина* немислим. Однако в самом этом предложении прилагательное беременный использовано именно в форме мужского рода; кроме того, *беременные мужчины* фигурируют в фольклоре, в газетном юморе и в стихах Давида Бурлюка: «Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина» (Якобсон 1985, 236).

Здесь же Якобсон очень кстати приводит сходный пример из поэзии на английском языке: строчку из стихотворения Каммингса 1935 г.:

Silent not night by silently unday.

Американский поэт намеренно и повсеместно нарушает правила грамматики. Здесь же сделаем акцент на том, что аграмматизмы Каммингса совсем, как

кажется, не случайно понадобились Якобсону в его обосновании неправоты Хомского в отношении якобы «бессмысленности» искусственных фраз про *зеленые идеи*.

Как видно из полемики Хомского и Якобсона, аномальное высказывание оказывается водоразделом между двумя теориями языка – нормативно-грамматической (генеративистской) и лингвопоэтической. Размышления Якобсона по поводу поэтических «неправильностей» годом позже легли в основу его фундаментальной статьи 1960 г. «Лингвистика и поэтика», в которой формулируется постулат об особой «поэтической грамматике», отличной от грамматики нормативной, и кроме того, наглядно демонстрируется действие поэтической функции в знаменитой схеме коммуникативного акта. То, что в обыденном языке признается речевой патологией и аграмматизмом, в поэзии становится конструктивным принципом, заряженным «поэтической функцией языка». Как и в 1920-е гг., в статье о Хлебникове, в 1960-е Якобсон строит свою теорию языка и коммуникации на основе отмечаемых аномалий поэтического текста. Именно в связи с такими тесными контактами и динамичными трансферами между поэзией и лингвистикой русская наука о языке развивает взгляд на литературу как особый язык и особую коммуникативную систему. Эта тенденция не характерна для англо-американской лингвистической традиции XX в., квинтэссенция которой в середине века была представлена в теориях Хомского и его круга.

Вообще, можно сделать вывод о том, что характер взаимоотношений между языком литературы и наукой о языке, по-видимому, определяет особенности национальных литературных и лингвистических воззрений. В англо-американской традиции на острие литературного эксперимента чаще находится грамматика (Стайн, Каммингс), а также установка на многоязычную гибридизацию (Дж. Джойс, Э. Паунд, Ю. Джолас). Это соответствует направленности англо-американской лингвистики XX в. сначала на дескриптивизм и исследования по грамматике, а затем на генеративизм как поиск языковых универсалий в языках мира. Русская же авангардная поэзия, в отличие от англо-американской, с самого начала занимается «словом как таковым», т.е. внутренними превращениям слов, словотворчеством, языкотворчеством (на славянской основе). Чисто грамматические эксперименты мало характерны для русского авангарда, равно как и гибридизация на основе множественных языков. Другой отличительной особенностью русской авангардной поэзии является абсурд, но абсурд не кэрролловского, английского типа (нонсенс, основанный на словах-гибридах), а бессмыслица, базирующаяся на редукции языковых средств. В области собственно лингвистических теорий все эти черты соответствуют русской науке об особом «поэтическом языке», о теории слова как такового (в русском формализме) и феноменологическим теориям языка (Г. Шпет, А. Лосев и др.). Кроме того, русская поэзия, так же,

как и русское языкознание, гораздо больше ориентированы на мотивированность и автономию языкового знака (его внутреннее измерение), нежели на его связность в масштабах всей языковой системы. А как раз арбитранность знака и его способность свободно вступать в различные аномальные связи на уровне грамматики и межъязыковой семантики – прерогатива англо-саксонской традиции языкового экспериментирования в литературе и лингвистике.

Библиография

- Гланц, Т. (2016), (Интеллектуальные) революции Романа Якобсона, 1910–1930-е годы В: Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. Материалы международной конференции. Москва, 102–114.
- Кобозева, И. М. (2009), Лингвистическая семантика. Москва.
- Поцелуев, С. (2006), Бессмыслица в аспекте семантики. Очерк истории идей. В: Логос. 6, 21–67.
- Тынянов, Ю. Н. (2002), Литературная эволюция. Избранные труды. Москва.
- Успенский, Б. А. (2007), *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. Москва.
- Фещенко, В. В. (ред.) (2016), Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. Москва.
- Хомский, Н. (1962), Синтаксические структуры. В: Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в лингвистике. Вып. 2. Москва, 412–527.
- Якобсон, Р. О. (1985), Избранные труды. Москва.
- Якобсон, Р. (2012), Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. Москва.
- ESPAGNE, M. (2009), *L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itineraire d'Anton Springer*. Paris.
- ESPAGNE, M. (2014), *L'ambre et le fossil. Transferts germano-russes dans les sciences humaines. XIXe–XXe siècle*. Paris.
- РОМОРСКА, К. (1968), *Russian Formalist Theory and its Poetic Ambiance*. The Hague.
- РОМОРСКА, К. et al. (Ed.) (1987), *Language, Poetry and Poetics. The Generation of 1890's: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij*. Berlin.
- YAGUELLO, M. (1998), *Language through the Looking Glass: Exploring Language and Linguistics*. Oxford.

